

The background is a dark, textured surface covered with numerous colorful splatters and blotches in shades of blue, green, yellow, orange, and purple. A prominent yellow, elongated, and somewhat abstract figure stands in the center, resembling a stylized person or a plant. The overall composition is vibrant and abstract.

Анна Горностаева

Они придут и удивятся

Анна Горностаева

Они придут и удивятся (сборник)

«ИП Астапов»

2013

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Горностаева А. А.

Они придут и удивятся (сборник) / А. А. Горностаева — «ИП Астапов», 2013

ISBN 978-5-91146-438-7

Повесть «Они придут и удивятся» – это запутанная, полумистическая, почти детективная история. И все же самое главное в ней – человеческие чувства и переживания, стремления и мечты. В книгу также вошли несколько рассказов.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-91146-438-7

© Горностаева А. А., 2013
© ИП Астапов, 2013

Содержание

Они придут и удивятся	6
Маривана	6
История первая. Встреча с Сатаной	9
Маривана	15
История вторая. Прыжок с моста	18
Маривана	22
История третья. Сюрприз под дверью	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Горностаева

Они придут и удивятся

© А. Горностаева, 2013

* * *

Они придут и удивятся

Маривана

Маривана готовилась к смерти. Она уже долго жила на свете и прекрасно понимала, что времени осталось немного. Ничем серьезным она не болела и духом была бодрa, но возраст все чаще напоминал о себе: ноги гудели и отекали, усталость не давала заниматься делами, вдобавок ко всему появилась противная старческая забывчивость: убей бог, невозможно вспомнить, куда дела ключи от дома или – будь оно проклято, дьявольское изобретение человечества – мобильный телефон. Тренькает где-то слабенько, противненько, а где именно – не разберешь.

Конечно, в мир иной Маривана не торопилась. Чего спешить туда, куда принимают всех, даже сильно опоздавших. Но морально готовилась, потому что дело это было важное и ответственное не только для нее, но и для Вселенной. Поскольку Маривана совершенно искренне полагала, что в тот миг, когда ее не станет, весь мир исчезнет. Понятно же – жизнь на Земле без Мариваны невозможна, стало быть, все закончится вместе с ее уходом. По подсчетам Мариваны, оставалось нашей планете протянуть год-полтора.

Неизвестно, как оценивало свой земной путь человечество в целом, но Маривана прожитой жизнью была довольна. Она провела ее именно так, как хотела – весело, приятно и без особых хлопот. Трех мужей похоронила, детей сознательно не имела: дети – это постоянный стресс и заботы, а от этого возникают ранние морщины, и портится цвет лица. За внешностью следила строжайшим образом: маски, диеты, массажи. Результат прекрасный – кругом ахи и охи: как же вам удастся? Вы же как девочка! Какая молодец! Конечно, молодец – пока ее ровесницы теряли молодость и набирали лишние килограммы в борьбе с бытовыми проблемами, Маривана цвела. В тридцать девять лет поставила цель – не постареть больше ни на один год. С тех пор каждый год ей исполнялось тридцать девять. Лет двадцать так протянула. Мужья были счастливы – такое сокровище! Все трое на руках носили. Пока была замужем, не работала – зачем напрягаться? После смерти последнего мужа сдала квартиру в центре и переехала на дачу, в родовое подмосковное гнездо. Обосновалась, развела цветочки-лужайки. Устроилась от скуки в сельскую библиотеку на полставки. Хорошая работа – библиотекарь, наименее стрессовая по оценке психологов. Тишина, покой, книги, посетители интеллигентные. Комплименты делают, шоколадки дарят. А что зарплата – кот наплакал, не беда, Мариване денег от сдачи квартиры вполне хватало.

Все в поселке Маривану уважали, потому что библиотекарша – человек по определению умный и начитанный. Она и правда много книжек читала, особенно про любовь и путешествия. Соседям потом рассказывала – вот оно как в жизни бывает. Все удивлялись.

А как стукнуло Мариване семьдесят пять, стало ей трудно книжки таскать. Семьдесят пять – это не тридцать девять. Впрочем, тридцать девять ей последний раз было давно. Лет пятнадцать назад. Пришлось Мариване уволиться из библиотеки и ограничиться цветочками в саду. Но и для цветов, как оказалось, были нужны силы. А они стремительно уходили.

Маривана сначала слегка запаниковала, но быстро нашла выход: вызвала к себе на дачу племянника, молодого человека старше среднего возраста, единственного наследника их общей дачи, доставшейся от родителей Мариване и ее покойной ныне сестре. Племянник, последний раз бывший на даче во время своих школьных каникул лет этак тридцать пять назад, просто обязан был, по мнению Мариваны, позаботиться об их совместном имуществе (поскольку он был наследником) и о самой Мариване – единственной и любимой тетушке. Нельзя сказать, что родственник был в восторге от этого предложения, но помочь не отказался, нанял тете приходящую помощницу по хозяйству, которую почему-то называл сиделкой, и стал

регулярно приезжать (пару раз в месяц) с тем, чтобы выслушать жалобы Мариваны на неотвратимо надвигающуюся старческую слабость и выполнить разные мелкие поручения, которые тетушка в избытке подготавливала к его приезду. Известно, что в загородном доме работы всегда хватает – проводку починить, канализацию прочистить, гвоздиков набивать, да мало ли чего! Племянник, хоть и без удовольствия, но вот уже лет пять выполнял все беспрекословно, с руками дружил и был молчалив, что Маривану вполне устраивало. Ведь все равно в конечном итоге работал он на себя, понимала Маривана, я умру – все ему достанется.

Парадокс заключался в следующем: при всей уверенности в том, что мироздание рухнет после ее кончины, пожилая женщина продолжала тревожиться о судьбе наследства. По логике вещей получалось, что смерть Мариваны придется племяннику на руку, а это было обидно. Она и так знала, что скоро умрет, но мысль, что от ее смерти кто-то выиграет, была невыносима. Подозрительным казалось также то, что племянник никакого личного интереса к даче не проявлял, навещал тетку якобы исключительно из родственного долга, выполнив просьбы, вечно спешил уехать, деревенскими сплетнями тяготился. Значит, что-то задумал, укреплялась в своем мнении проницательная Маривана, значит, скрывает черные помыслы.

Ведь кто знает – не придет ли ему в голову ускорить уход престарелой родственницы? Главное, ни у кого даже сомнения не возникнет, что восьмидесятилетняя старушка отправилась в мир иной без посторонней помощи. Да и много ли ей надо – на нее чихни, она заболит. А болеть в этом возрасте очень и очень опасно. Не дай бог, грипп. Поэтому Маривана всегда тщательно рассматривала племянника через узкую щель входной двери, прежде чем пустить в дом: не болен ли? Не притащил ли опасную инфекцию? Только удостоверившись, что родственник здоров, не кашляет и не чихает, открывала дверь. Иногда инспекция затягивалась надолго, и племянник проявлял нетерпение:

– Теть Мань, ну открывайте же.

– Подожди, – назидательно говорила Маривана, – ключи ищи.

Ключи, действительно, терялись часто.

– Да не закрывайте вы на столько замков, – начинал раздражаться племянник. – Достаточно же просто защелкнуть.

– Ага, защелкнуть. Чтобы меня прибили и ограбили, – возмущалась бдительная Маривана. – Кругом бандиты, а он: защелкнуть!

В поселке действительно были кругом бандиты. Чего, например, стоила недавняя история с соседкой Людмилой! Просто мороз по коже. Эту Людмилу Маривана знала всю жизнь, с тех пор, как Маривана первый раз была тридцатидевятилетней, а девочка Людочка поселилась по соседству вместе с родителями – работягами и пьяницами. Эту Людочку Маривана жалела, приглашала в дом и по доброте душевной угощала печеньем. Ничего хорошего из девочки, естественно, не выросло: отец и мать ее рано спились и умерли, Людочка получилась туповатая, но рано развитая физически. Эти два фактора обеспечили ей насыщенную и разнообразную юность, мгновенно сменившуюся зрелостью и почти столь же быстро – преждевременно наступившей старостью. Теперь пятидесятилетняя Людмила выглядела едва ли не старше Мариваны, а принимая во внимание ее пристрастие к алкоголю и постоянно меняющихся спутников, жаждущих разделить с нею трапезу, Маривана имела все шансы пережить непутевую соседку.

Так вот, произошло с этой Людмилой нечто страшное, чего, на взгляд жителей поселка, все последнее время обсуждающих эту историю, даже она не заслужила. Поздно вечером, когда Людмила, проведив очередного кавалера, осталась в квартире одна (занимала она крошечную проходную двушку в доме барачного типа), к ней в дверь постучался некто, кого беспечная женщина, не задумываясь, впустила, думая, что это один из ее многочисленных друзей. Посетитель оказался вовсе не Людмилиным собутыльником, а, напротив, отъявленным злодеем, который напал на несчастную женщину, заткнул ей рот какой-то помойной тряпкой и начал измываться: сломал ей правую руку, а потом выдрал половину волос на голове. Внешность

преступника пьяная и ошарашенная Людмила не запомнила, но утверждала, что раньше его никогда не видела. Поиздевавшись над бедной пьянчужкой, изверг исчез, цинично ничего с собой не прихватив, даже початую бутылку, на столе стоявшую, не тронул.

Освободившись от тряпки и первого шока, Людмила начала орать благим матом, что не сразу насторожило соседей, поскольку буйные гулянки в ее доме проходили регулярно. К счастью, дальнбойщик Валера, живший за стенкой и мечтавший выспаться после смены, был разбужен криками и отправился «набить морду Людке и ее хахалям». Вскоре он обнаружил потерпевшую – утратившую половину волос и со сломанной рукой. Вызванная полицейская бригада зафиксировала следы борьбы (разбитый стакан) и в качестве главной улики – тряпку, изгрызенную Людкиными зубами. Как выяснилось позже, тряпка принадлежала самой Людмиле, а следов преступника, ломающего руки и вырывающего волосы – увы! – не оказалось. Допросили последнего Людмилиного ухажера, который клялся и божился, что в тот вечер ничего плохого не делал, а, как порядочный человек, валялся дома в стельку пьяный. Впрочем, на него никто и не думал. Все сошлись во мнении, что бандит – человек не местный, залетный, к тому же, как сказала Людмила, «е... ный антиинтеллигент».

Зачем надо было интеллигентному преступнику уродовать Людмилу – было непонятно, но полиция обещала во всем разобраться, с чем и уехала. Естественно, обещание выполнено не было.

Несчастной наложили гипс и целый месяц она мучилась, не в силах открыть бутылку самостоятельно. В связи с этим и пить стала меньше, и гостей в доме поубавилось. Изуродованную голову свою покрывала платком. Волосы, правда, скоро отросли и инцидент потихоньку забылся.

Но Маривана к сведению приняла: дверь чужим не отворять, все время бдеть. Просила племянника нанять ей охранника, круглосуточного, чтоб возле порога дежурил, а то вон чего на свете делается: на незащищенных женщин нападают! Племянник, черствая натура, сказал, что ей и сиделки достаточно. Какая сиделка, завопила Маривана, мне мужик нужен, здоровый, с пистолетом! А то случится, как с Людкой! А он нахально рассмеялся и сказал, что если тетя не будет пить столько, сколько Людка, то с ней точно ничего плохого не случится. Хам. Наглая, беспардонная нынешняя молодежь!

История первая. Встреча с Сатаной

На первом этаже старинного здания было душно и сыро. Федор Иванович в который раз поразился тому, что даже при небольшом количестве посетителей в подобных местах общая нервозность и озабоченность достигает предельной концентрации. Он занял очередь за бабушкой, которая стояла за другой бабушкой, похожей на предыдущую как две капли воды, как будто они были однойлицевыми близнецами. Первая бабушка сразу предупредила Федора Ивановича, что за ней занимала еще одна, но отошла и скоро придет; тем не менее появился дедушка, который пришел вместо бабушки, потому что та стояла в очереди на почте. Потом бабушки и вновь пришедший дедушка стали обсуждать преимущества оплаты коммунальных услуг на почте, так как в сберкассе теперь берут большую комиссию, а на почте берут меньше, поэтому на почте очереди такие, что ужас просто! На этом месте Федор Иванович отвлекся и начал изучать стены.

Окошко паспортного стола было зажато в узком полутемном коридоре между несгораемым шкафом и плакатом «При пожаре звонить 01». С плаката на Федора Ивановича взирали устрашающего вида пожарник в каске и при полном полагающемся обмундировании; в руках его красовался жирный, напоминающий дохлого удава шланг, обращенный зевом к зрителю. Судя по сурово сжатым губам бойца с огнем и по струйке воды, стекающей из жерла его оружия, ни у кого не оставалось сомнений в железной решимости пожарника немедленно замочить каждого, кто неосторожно обращается со спичками или с бытовыми электроприборами. Снизу красовалась надпись: «Опасно при пожаре прятаться под кроватью и в шкафу!» То есть выходило, что спрятавшиеся от огня под столом или, скажем, за диваном, имели намного больше шансов уцелеть.

Федор Иванович полюбовался этим шедевром, отметил несоответствие количества пальцев на руках персонажа – на левой их почему-то было шесть, и по старой привычке прочитал фразы на плакате наоборот. Получилось следующее: «10 ьтиновз еражоп ирп» и «уфакш в и юьтаворк доп ясьтатярп еражоп ирп онсапо». Из результатов этого лингвистического упражнения порадовал только «еражоп». Тем временем бабушки и дедушка получили вожделенные выписки из домовой книги, необходимые для подтверждения льгот, и очистили, наконец, проход к окошку. Федор Иванович заглянул, заранее смущаясь от необычности собственной просьбы и нащупывая в кармане приготовленную шоколадку.

Паспортистка, мрачная дама средних лет, из числа женщин с обидно неудавшейся судьбой, даже не подняла на него глаз. Шоколадка тут не прокатит, мгновенно решил сменить тактику Федор Иванович. Будем пытаться разжалобить. Но и это не помогло. Заискивающий тон и все включенное обаяние разбились о сухой и бесстрастный тон хорошо знающего инструкцию работника: не положено, таких справок не даем, обращайтесь в другие организации и т. д.

Но Федору Ивановичу было ОЧЕНЬ нужно. Он так и сказал ей, этой бездушной костлявой мумии. Истукану этому, крокодилу в розовой кофточке. И использовал свой последний резерв – рассказ о потерянной любви, наспех выдуманный по дороге сюда. Не зря выдумывал – пригодились.

– Милая девушка, понимаете, человек, которого я ищу, для меня очень дорог. Мы потереяли друг друга много лет назад, и только теперь я понимаю, какую ошибку совершил. Может быть, еще не поздно? Вдруг она тоже помнит меня? Тогда еще возможно все изменить...

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице, но взгляд (наконец-то она соизволила посмотреть!) – взгляд потеплел. Понятно, слюнявые мыльные оперы смотрят даже такие крокодилы. Теперь и шоколадка пригодится.

– Не знаю... – мумия, не привыкшая к состраданию, раздумывала в нерешительности. – Вообще-то, у нас такой информации нет... Попробуйте зайти к Валерию Павловичу... возможно, в его архивах...

– Вы мне очень, очень помогли, – проникновенно проговорил Федор Иванович, засовывая в окошко «Альпен Голд» с фундуком, – а где мне найти Валерия Павловича?

– По коридору направо, – отрезала паспортистка, с грохотом захлопывая окошко и едва не прищемив Федору Ивановичу голову.

«Может, она орехи не любит? Или у нее челюсть вставная?» – пронеслось в голове, но уже через несколько секунд он стоял перед дверью с потертой кожаной обивкой и приклеенным к ней канцелярским скотчем листком, на котором было напечатано: «Нач. пасп. стола В.П. Сатана». «Вот, черт! – не к месту подумал Федор Иванович. – Ну что ж, поглядим, что за Сатана».

Но Сатаны на месте не оказалось. У него был обед. Пока он насыщался, Федор Иванович еще раз внимательным образом изучил строгого пожарника, ознакомился с образцом оформления заявления на получение регистрации от имени Иванова Ивана Ивановича, перемерил коридор шагами в длину и ширину и немного погулял в близлежащем дворике, держа заветную обшарпанную дверь под прицелом. За полтора часа входили и выходили одинаковые бабушки-дедушки, прогромыхала самокатом многодетная мамаша с выводком и сумками, вкатился и застрял внутри одышливый толстяк; но никого похожего ни на Сатану, ни даже на булгаковского Воланда, не наблюдалось.

Наконец Федор Иванович решил вернуться на свой пост под дверь и с удивлением обнаружил, что начальник уже на месте и – неслыханная удача! – в очереди в его кабинет нет ни одного человека. В.П. Сатана оказался тем самым толстяком, которого Федор Иванович ошибочно принял за посетителя паспортного стола. Он был настолько не похож на свою фамилию, что Федор Иванович даже засомневался.

– Вы – Валерий Павлович Сатана? – спросил он, недоверчиво разглядывая сидящего за кипой бумаг человечка: лоснящаяся лысина, подслеповатые глаза за толстыми стеклами немодных очков, обвисшие щеки.

– Ну я – Сатана, – недовольно буркнул начальник, продолжая рыться в бумагах. Видимо, реакция посетителей на его фамилию раздражала его. – И что? А вы-то сами кто?

– Я – Дробязко, Федор Иванович, – представился Федор Иванович, с трудом сдерживая улыбку, до того потешный вид был у копошащегося толстячка.

Валерий Павлович неожиданно поднял голову и уставился на собеседника пуговичными глазами.

– Ну и ничего хорошего, скажу я вам! Что это за фамилия такая – Дробязко! Слишком много дребезжащих согласных! Музыки нет, сплошной диссонанс. Попробуйте спеть – не выйдет. То ли дело: Са-та-на! Вот где мелодия льется. А у вас... что за фамилии теперь выдумывают! Ну да ладно, – он внезапно подмигнул

Федору Ивановичу, ошарашенному неожиданной критикой, – это еще что! Вот у меня в армии приятель был, Писидрюков. Все сначала смеялись, а потом привыкли. Особенно когда узнали, что он кандидат в мастера спорта по боксу. Зауважали. Он ого-го-го какой был Писидрюков! Всю роту записидрюкал. У вас ко мне что?

Дробязко, впечатленный историей про армейского товарища, не сразу вспомнил, зачем пришел. Вообще, он начал чувствовать себя как-то странно. Начальник этот казался ненастоящим, так же как и табличка на его двери.

– Я человека ищу, – проямлил Федор Иванович, с трудом вновь вживаясь в образ. – Женщину. Она жила в этом городе много лет назад...

– Па-анятно, – протянул Валерий Павлович и принялся вытирать грязным носовым платком вспотевшую лысину. – Ну и по чью душу пришли?

Федор Иванович слегка передернулся от формулировки, но ответил твердо:

– Евдокимова Нина Валентиновна, шестьдесят пятого года рождения.

– А что вы ко мне пришли? – Сатана засунул платок в нагрудный карман и с хрустом потянулся. – Шли бы в милицию...

– Да я был в милиции, – начал было Дробязко, но начальник перебил его:

– Ну да, шли бы вы в милицию-полицию, написали бы заявление. Они направили бы вас в адресный стол, где надо сделать запрос. Ваш запрос должны обработать в течение месяца и проверить все адреса по прописке этого человека за... сколько там получается? Сорок восемь лет. Потом, если удастся установить ее нынешний адрес, ее известят о том, что с ней хочет встретиться гражданин Дробязко. Вам ее координаты, естественно, не дадут. Если Нина Валентиновна соизволит проявить интерес, она с вами свяжется по указанному вами телефону. Только затея эта бесполезная, никто не перезванивает.

– Почему? – выдохнул Федор Иванович, обремененный новыми знаниями.

Сатана заерзал и прищурился – видимо, хотел получше разглядеть посетителя.

– А зачем? Раз человек из прошлого хочет вас найти, значит, у него есть на то причины. Скорее всего, он хочет с вашей помощью решить какие-то свои проблемы. Попросить о какой-то услуге или просто денег... Свести старые счета. Есть и другой вариант – ему скучно и нечем заняться, и он не придумал ничего лучше, чем ворошить прошлое. Зачем вам встречаться с таким человеком? Лишняя головная боль.

Дробязко молчал, не зная, что сказать. Действительно, доводы казались вполне логичными. Но лазейка все-таки оставалась.

– А вы? – наконец решился он. – У вас же указаны все адреса жителей района? Ну, кто куда переехал? Можно ведь установить новый адрес по старому, а старый я помню...

– Ишь, какой хитрый! – погрозил пальцем Валерий Павлович. – Да, у меня все здесь хранится. – Он указал на металлический, до потолка, шкаф у окна, похожий на тот, что стоял в коридоре. – Здесь они все голубчики, все шестьсот тысяч душ. Все мои, – не к месту добавил он, словно гордясь имуществом. – Но это все конфиденциально!

«Взятку, что ли, вымогает? – уныло подумал Федор Иванович. – Историей про любовь такого, пожалуй, не проймешь».

– И не пытайтесь предлагать мне деньги, – словно бы услышал его Сатана, и Федору Ивановичу стало стыдно. – Я информацией не торгую. Тем более что она ни копейки не стоит. Это только в книжках пишут, как душу покупают за несметные богатства.

Тут Федор Иванович глянул на начальника паспортного стола с подозрением – что-то его не в ту степь понесло, но тот, ничего не замечая, с увлечением продолжал:

– Ну да, власть, деньги, любовь... Все в обмен на ничтожную и никому не нужную вещь – человеческую душу. Ерунда это все, скажу я вам. – Сатана перегнулся через стол, словно стараясь быть к собеседнику поближе. – Ничего они не стоят, эти души. Вон у меня их сколько, – он опять кивнул на шкаф, – и все бесполезные. Что с ними делать, ума не приложу.

В этот момент Федор Иванович понял, что надо уходить. С этим тронутым начальником, похоже, не договориться. Раз человек решил рехнуться на почве собственной фамилии, его не переубедишь. Дробязко как раз начал пятиться к двери, когда Валерий Павлович прервал философский монолог и строго окликнул посетителя:

– Эй, Федор Иванович! Погодите-ка!

Дробязко замер. Надо же, запомнил имя-отчество.

– А вы уверены, что она так вам нужна, ваша Нина Валентиновна?

– Угу, – кивнул Дробязко.

– Ладно, – неожиданно легко согласился начальник. – Найду вам адрес. Завтра приходите, попозже, часов в девять. Я допоздна работаю.

* * *

Около девяти вечера Федор Иванович уже прогуливался вокруг знакомого облезлого дома и боролся с сомнениями. Идти в паспортный стол не хотелось по нескольким причинам. Во-первых, начальник явно был с прибабахом, а стало быть, невменяемый; кто его знает, что ему в голову придет в связи с собственной фамилией, – а вдруг и в самом деле начнет с раскаленной сковородкой бегать или за душой Федора Ивановича охотиться; а такое в планы Дробязко не входило, ему душа самому еще была нужна. Во-вторых, вероятность получить нужную информацию казалась ничтожно малой, учитывая срок давности и, опять же, ненадежность Валерия Павловича. Наконец, и это было самое неприятное, нахлынула странная апатия и поблекла уверенность в правильности выбранного пути. Да и сама цель, высокая и чистая, любовно взлелеенная Федором Ивановичем и водруженная на пьедестал, на какое-то время перестала быть ясной и достойной.

Прочь, сомнения, прочь – отмахнулся Дробязко от неприятных мыслей. Все идет по плану, все для победы. Очередной шаг на пути – встреча с придурковатым Сатаной, а дальше – вперед, к цели. Только бы он чего-нибудь не выкинул. Вот и время для аудиенции подобрал подходящее – вечер, темно уже. Посетителей в паспортном столе нет.

Рабочее время паспортного стола, действительно, уже закончилось, и бесконечные бабушки разошлись по домам, но дверь была не заперта, а коридор ярко освещен. Судя по головам и возне в кабинетах труженики бумагомарательной индустрии работали на износ, перевыполняя план по заверению анкет и производству справок. Громче всех остальных звучал надрывный стон Валерия Павловича, отчитывающего нерадивую паспортистку:

– Ну что же вы, Наталья Аристарховна! Как можно было так все перепутать! Вот, смотрите, в синей папке – улица Белинского! А в красной – Тургеневская! Вы что, Белинского от Тургенева отличить не можете? Это же совершенно разные писатели! Теперь все надо заново проверять!

Завывания Сатаны лишь изредка прерывались невнятными звуками, издаваемыми пытающейся оправдаться паспортисткой; слышались также шаги и шепот в соседнем с сатанинским кабинете; в общем, работа кипела, несмотря на поздний час. Обстановка действовала на Дробязко успокаивающее. Уверившись, что по крайней мере сегодня на его душу никто покушаться не будет, он постучал в дверь кабинета.

Тут же навстречу ему вылетела и пронеслась мимо давешняя худосочная мымра – бледная, прижимающая к груди синюю и красную папки. Начальник паспортного стола, напротив, раскрасневшийся и вспотевший, заканчивал гневную тираду, обращаясь уже к вошедшему Дробязко:

– Все на меня свалили, все! Ничего самостоятельно не могут! А я старый человек, больной, между прочим! Почему я за всех отвечаю? Нашли козла отпущения! Проходите, Федор Иванович, присаживайтесь, – мимоходом поприветствовал он посетителя, не убирая скорбно-гневного выражения с лица, – полюбуйтесь, что здесь творится!

Федор Иванович присел на краешек стула, заваленного разноцветными папками и, хорошо понимая, что просто так его не отпустят, приготовился терпеливо слушать.

– Вы только подумайте, – продолжал жаловаться Сатана, – назначили меня главным злодеем! А я своего согласия не давал, между прочим. Просят помочь – я, как последний дурак, пашу. Потом на меня все шишки. Кто виноват? Сатана! Это он нас всех запутал! А мы все такие хорошие, просто нас с толку сбили! Неправильно объяснили! А у меня, скажу я вам, – Валерий Павлович вскочил и так стремительно подскочил к Дробязко, что тот отшатнулся, – везде порядок! Все учтено и зафиксировано! И кто чего неправильно сделал, мы еще разберемся!

Начальник погрозил кулаком в пространство, где-то над головой Федора Ивановича, и тут же состроил плаксивую мину:

– Заболеваю совсем на этой должности проклятой. Язва у меня, одышка... А еще, знаете ли, – он вновь доверительно приблизился к Дробязко, – отчего-то лысина потеет. У вас не потеет?

– Что? – тупо откликнулся застигнутый врасплох Дробязко, тайно гордившийся тем, что почти в пятьдесят лет имел на темени лишь небольшую проплешину, которую при желании можно было скрыть, начесав волосы с боков.

– Ну, лысина? Не потеет? – повторил бесцеремонный Валерий Павлович. – А у меня вот проблема. Это наверное, от того, что думаю много, мозги напрягаю..., – он сокрушенно развел руками.

Дробязко нетерпеливо заерзал.

– Да, да, понимаю, – прервал сам себя Сатана. – Вы же по делу пришли. Все готово для вас, вот ваша Нина ненаглядная...

Он потянулся к столу и принялся перебирать папки.

– Адрес меняла несколько раз... Фамилию меняла два раза... Черт их поймет, этих женщин, почему им так нравятся новые фамилии.

Федор Иванович с трепетом потянулся к отобранной Сатаной бумажной папке, но тот внезапно схватил ее и спрятал за спину.

– Я почему вам все это рассказываю, – трагическим полупшепотом сообщил Валерий Павлович, – все думают, что Сатана – это черт с рогами или, в лучшем случае, этакий модный фронт с тросточкой, который людей искушает и над ними же потешается. А я вот такой, как видите, – он приподнялся на цыпочках и покачался с ноги на ногу, отчего тучное тело его заколыхалось, как холодец, – со всеми своими болячками и слабостями. Никого не искушаю – куда мне! Зачем искушать? Люди сами искушаются на каждом шагу! Предают, продают, и хоть бы хны! Так им мало – еще во всем меня обвиняют!

Дробязко понимающе кивал, кося одним глазом на папку, а Валерий Павлович все больше распалялся:

– Я вам скажу по секрету: нет ни рая, ни ада! Вот так!

Он торжествующе посмотрел на Федора Ивановича и продолжил:

– Есть совсем другие места – называются РАД и АЙ. Только вы не говорите никому! Суть примерно та же, но названия принципиально отличаются. Правда ведь, как точно: попал в РАД – будешь рад, а если в АЙ – тоже понятно... Так вот: те, кого угораздило в АЙ свалиться, они, понятное дело, на сковородках жарятся... А жарят их те, кто из РАДА. Дрова подкидывают, ложкой перемешивают, чтобы не подгорело... В общем, все разумно, все при деле. Это страшная тайна, страшная! Но теперь вы знаете...

Дробязко, так и не оценивший важность открытия, невоспитанно потянулся к папке, что не скрылось от внимания начальника.

– Папку вам дать не могу, – вздохнул, сбившись с темы, Валерий Павлович. – Это все мой архив. Вот я вам листочек отксерокопировал. Вам хватит.

Он вынул из папки лист бумаги, в который Федор Иванович тут же вцепился мертвой хваткой.

Фото на ксерокопии получилось расплывчатым, и лицо казалось совершенно незнакомым. Да и не смог бы он узнать ее столько лет спустя. Евдокимова... Ланская... Тарелкина. Нина Валентиновна. Да уж, лучше бы оставалась Ланской. Адрес... Даже телефон. Все есть. Bravo, Сатана! То есть, огромное спасибо, Валерий Павлович.

– На здоровье, – ворчливо отозвался Сатана, – вдруг вспомнивший о завале с работой и вновь погрузившийся в бумажки. – У вас ко мне все? До свидания.

– До свидания, – уже в коридоре ответил Федор Иванович, прижимая к груди бесценный листочек. Проскочил мимо Натальи Аристарховны, яростно штампуя документы. Вылетел на улицу, на свежий воздух. Мелькнула мысль: надо бы позвонить в психушку и сообщить, что начальник паспортного стола чокнутый. По хорошему, этому Сатане давно пора пребывать в определенном месте, в соседней палате с Наполеоном. Но, с другой стороны, нехорошо получается – ведь помог же ему Валерий Павлович, совершенно бесплатно, по доброте душевной. А Дробязко его в дурдом сдаст! Нет, пусть с ним лучше эта его... Аристарховна разбирается. Или она тоже... того? Черт их разберет, эту лавочку!

Впрочем, такие сомнения совсем недолго тревожили Федора Ивановича. Мысленно он уже был на следующем этапе выполнения своего плана.

Маривана

Новый сосед появился как снег на голову. Слишком быстро уехали прежние владельцы, неожиданно для всех продав свой двухэтажный коттедж и сменив Подмоскovie на дальнее то ли Подберлинье, то ли Поддюссельдорфье – точных сведений не было. Как оказалось, коварные соседи уже давно вынашивали планы по измене Родине – списывались с еврейскими родственниками в Германии, протапывали дорожку в Европы и при этом как ни в чем не бывало здоровались, улыбались, справлялись о здоровье Мариваны и по праздникам желали ей долгих лет жизни. Лицемеры. Сейчас небось разъезжают по автобанам и жрут немецкие сосиски, даже не вспоминая родную Клязьму.

А Маривана так на них надеялась. Действительно, неприятное соседство слева – а там стоял многоквартирный барак с проблемной публикой – компенсировалось вполне достойным и уважаемым семейством, проживающим справа. Он физик, она музыкант – тихие люди, воспитанные, интеллигентные. Всегда приветливые, вежливые, готовые разделить с одинокой пожилой женщиной беседу и чашку чая – что может быть лучше! Сказать по правде, Маривана очень на них надеялась и часто обращалась с различными незначительными просьбами – в магазин сходить, лекарства купить, а то и покосившийся забор подправить. Физик – он, понятно, на нормального мужика мало похож, но гвоздь забить даже такие могут.

Помочь бедной беспомощной вдове, к тому же интеллектуалке и приятной собеседнице – это не труд, а удовольствие, полагала Маривана, поэтому не сомневаясь рассказывала соседям о ежедневных проблемах и благодарно, но с достоинством принимала помощь. Так и продолжалось вплоть до самого их подлого бегства, которое в глазах Мариваны имело еще и отягчающее обстоятельство: приличная образованная еврейская семья предала родную страну ради Германии, родины нацизма, развязавшей две самые кровопролитные войны прошлого века. Немцы, запятнавшие себя во всех отношениях, теперь каялись в грехах и заглаживали вину перед пострадавшими народами, но принимать их помощь казалось Мариване позорным и унижительным. Поэтому уехавших по программе помощи евреям соседей она осуждала и не уставала повторять, что она лично никогда не опустилась бы до того, чтобы принимать подачки.

Впрочем, в какой-то степени изменников можно было понять: вся их жизнь на родине была омрачена проблемой, решить которую представлялось возможным лишь в Европе. А дело было в несчастливом наборе хромосом, которые почему-то соединились не так, как надо, что сказалось на потомстве во всем остальном благополучной семейной пары, а именно на единственной дочке-дебилке. Пока девочка была маленькой, странности ее поведения можно было объяснить юным возрастом, задержкой психического развития и особенностями ранимой нервной системы. Но когда Маша выросла и превратилась во взрослую дорodную и абсолютно неуправляемую девицу, ее неполноценность стала бросаться в глаза. И хотя все время девушка проводила в доме или в саду под бдительным оком матери, пресекавшей все контакты дочери с окружающим миром, сплетни о «психованной» разносились по поселку и с удовольствием передавались от соседа к соседу. Когда же изобретательная Маша, хитроумно выбравшись из дому, совершила забег в голом виде по сельским улицам, пугая местных парней необъятными телесами, родители (после поимки несчастной) твердо решили: так дальше продолжаться не может. Сдать Машу в приют для душевнобольных показалось им в тот момент хоть и жестоким, но единственно верным решением. Все же для успокоения совести мать решила обратиться за советом к батюшке, за неимением раввина. Батюшка решение одобрил и мать благословил, но посоветовал проверить сию богоугодную операцию не на родине, а на западе – у них условия хорошие, уход отменный, больных не бьют и не издеваются над ними, а даже развлекают и приобщают к культурной жизни.

Священник, вне сомнения, был прав, и семья начала по-тихому готовиться к переезду в Германию, ныне столь же гостеприимную для евреев, сколь нетерпимую к ним семьдесят лет назад. Сложилось все как нельзя удачно – не устающие каяться немцы предоставили семье небольшую квартирку на окраине крупного города, оплатили учебу супругов на курсах немецкого языка и даже предоставили работу почти по специальности – ей в музыкальной школе для детей-инвалидов, ему – в цехе машиностроительного завода. А что, там физика очень даже нужна. Машу, само собой, устроили в приют, где больные жили в просторных палатах, хорошо питались, а по воскресеньям их возили в цирк или на прогулку в городской парк.

Но Маривану благополучие уехавших волновало мало. Она была полна переживаний и недобрых предчувствий – кто поселится теперь по соседству? Не дай бог, шумная молодежь или того хуже – алкаши. Впрочем, алкашам соседский особняк был не по карману, но все равно было боязно. Когда же Маривана в окно увидела нового хозяина дома – солидного взрослого мужчину с импозантной сединой и на «Лендровере», сердце ее возрадовалось. Такой не будет напиваться и блевать под окнами, как барачное население слева. И матерные частушки дурным голосом орать тоже, вероятнее всего, не станет. Должно быть, он крупный бизнесмен или даже большой чиновник – мечтала Маривана. Автомобиль у него огромный, поступь тяжеловесная, значительная – стало быть, человек достиг в жизни определенных высот. Может и ей, всеми брошенной старухе, какую-нибудь помощь окажет по-соседски. Например, в поликлинику ее свозит в Пушкино – анализы сдать, провериться, а то племянник, чурбан черствый, второй месяц только обещает. А на «Лендровере» Маривана с удовольствием бы прокатилась, чтобы все кругом обалдели. Вот помнится, со вторым мужем, партийным функционером, да на казенной «Волге»... Подружки от зависти лопались. Да что подружки – прохожие на улице оборачивались, когда она, да с мужниным шофером, да в новом ярко-розовом костюме-джерси, из-за границы привезенном... Да, были времена, только вспоминать о них и осталось.

Но чем дальше, тем больше мучили Маривану сомнения: раз сосед такой солидный и богатый, значит, должен быть женат. Вдруг жена его окажется молодой хорошенькой стервой, с которой Мариване не о чем говорить будет? Или еще хуже – вдруг у него дети? Писк, визг, сопли... И это при том, что забор между их домами не по-современному низкий и редкий, так что весь участок просвечивает сквозь кусты. А если эти дети станут носиться, в мяч играть? Они же спать ей не дадут, а сон у Мариваны тонкий, чуткий, как у всех стариков... С дебильной Машей проблем не было – сидела в саду на качелях да бубнила себе что-то под нос тихонько, Мариване не мешала. Один раз только напугала старушку – подскочила к забору и давай лаять по собачьи и штакетины зубами грызть. Но мать тут же прибежала, Машу в дом уволокла, лекарствами напичкала, и приступ прошел.

Вот такие нерадостные мысли тревожили Маривану, пока она наблюдала за новым соседом – как он по-хозяйски обходит участок, осматривает яблони, стучит ботинком по сломанной скамейке: надо поправить. Сразу видно, хозяин. Семьи пока не видно, оно и к лучшему. Может, повезет Мариване и окажется новый владелец бездетным, одиноким, готовым помочь престарелой соседке? Вдруг и ей скамеечку поправит, а то одна доска совсем сгнила... От племянника дожدهшься, как же.

Попробовала обсудить вопрос с Настей – приходящей помощницей по хозяйству. Но Настя – дура ограниченная, каких свет не видывал, ничем в жизни не интересовалась. Про соседа ничего не знала

и не любопытствовала даже, кто такой, откуда приехал. Только и знает, как сумки из магазина таскать и стряпать. Готовит, правда, вкусно, но пол моет халтурно: середину вымывает, а в углах пыль оставляет. Маривана сколько раз ее носом тыкала – бесполезно.

– Ты бы, Настя, сходила к нему, познакомилась, – настаивала Маривана. – Узнала бы, чем занимается, откуда приехал, что за человек.

– Да вам-то какая разница, Маривана, – отмахивалась недальновидная Настя. – Человек и человек. С виду приличный, дом не подожжет, что еще надо? Целоваться вам с ним, что ли?

Настя, деревенщина, приличным манерам обучена не была и говорила всегда то, что думала.

– Глупая ты, – поучала Маривана. – Откуда знать, что может в жизни пригодиться?

Сама Маривана не раз убеждалась в том, что вовремя собранные сведения помогают решать многие жизненные проблемы. Вот, к примеру, когда Маривана решила снова выйти замуж после того, как второго мужа посадили за растрату, она очень умело использовала некую имеющуюся информацию, чтобы расположить к себе влиятельного и надежного человека... Ах, вздохнула Маривана, одного не предусмотрела – таким редкостным занудой оказался третий муж, царство ему небесное! И то не так, и это не этак... Доворчался до инсульта и слава богу, а то прямо с души воротило...

– Пойди и скажи, что соседка, Маривана, приглашает в гости на чай, – приказала Маривана. – Не самой же мне с больными ногами к нему топать.

Здесь Маривана лукавила – при желании она могла пройти несколько километров без отдыха, но неприлично было навязываться самой. Пусть лучше эта бестолковая Настя сбегает с поручением – заодно расскажет ей, как обустроился новый сосед.

Настя похлопала круглыми глупыми глазами и нехотя потащилась выполнять задание. Время было вечернее, сосед был дома, что можно было видеть по ярко освещенным окнам. Маривана стояла у окна и подслушивала: вот Настины шаги по дорожке, вот резкая трель звонка... Скрип открываемой двери, мужской голос, слов не разобрать... Настин голос, короткий разговор... Все стихло, потом снова шаги по дорожке. Топают как слон эта Настя, килограммов девяносто, хоть и молодая. А Маривана в ее возрасте была тоненькая, как березка.

Возвратившись, Настя доложила: мужчина в доме один, следов жены и детей не видеть, за приглашение на чай благодарил, но отказался – сегодня устал сильно. Сказал, в другой раз – обязательно.

Ну что ж, в другой раз так в другой раз, – согласилась Маривана. При всей своей скудности информация, добытая Настей, ее вполне устроила. Жилец-то, похоже, одинокий. Значит, мы с ним подружимся.

История вторая. Прыжок с моста

Ранним октябрьским утром, когда еще и не думало рассветать, в отделение полиции Сокольнического района появился странный гражданин. Хмурый заспанный дежурный, незадолго до этого визита устроившийся наконец вздремнуть на коротком дерматиновом диванчике и так некстати разбуженный нежеланным посетителем, недовольно рассматривал молодого мужчину и привычно фиксировал в протоколе все детали: гражданин явился в отделение сам, совершенно голый и мокрый (хотя дождя на улице не было), причинное место прикрывал номерной автомобильной табличкой (номер Х 356 ЕР 197 регион), с физическими повреждениями в области лица. Пострадавший плакал, размазывал по лицу кровь и слезы одной рукой, другой намертво вцепившись в табличку.

Приехавшие столь же хмурые медики констатировали шок, переохлаждение и отсутствие двух передних зубов вследствие прямого удара – скорее всего, металлическим предметом. Никакой опасности для здоровья потерпевшего не существовало, так как от потери зубов никто не умирает, а прогулка в голом виде утром по Москве даже может иметь закаливающий эффект. Руки-ноги мужчины были на месте и функционировали как положено, голова была цела, хоть и соображала плохо. Медики отбыли, посоветовав согреть и успокоить потерпевшего, поскольку никакой иной помощи ему не требовалось. Полиция, хоть и с неохотой, но проявила сострадание: гражданина завернули в грязный флисовый плед, под которым так и не удалось поспать дежурному, и напоили горячим чаем из полицейских запасов. Даже после этого гуманного акта выяснить суть происшествия оказалось делом непростым, поскольку гражданин продолжал всхлипывать, икать и цепляться за автомобильный номер, который у него опять-таки из гуманных соображений пытались отобрать.

Сообразительный дежурный смекнул, что цифры на табличке могут предоставить намного больше информации, чем неадекватный товарищ, и, пробив номер автомобиля по базе ГИБДД, установил, что владелец – Сапешко Владислав Митрофанович, 1979 года рождения, место рождения – город Минск, зарегистрирован в Москве с 1991 года по адресу... телефон... Этим телефонным номером и воспользовался расторопный и уже окончательно проснувшийся полицейский. Трубку взяли сразу, при слове «полиция» громко зарыдали и подтвердили, что Владислав Митрофанович со вчерашнего дня дома не появлялся, по мобильному телефону последний раз разговаривал с женой (именно она ревела в ухо дежурному) накануне поздно вечером, по дороге с работы домой. Автомобиль же Сапешко странным образом оказался под окнами квартиры, без владельца. Послать женщину вниз, к автомобилю и проверить не скручен ли номер, пришлось в голову сразу. Да, подтвердила она, когда ей перезвонили через десять минут, задней таблички с номером нет, а передняя на месте. А еще – о-о-о! – на асфальте пятна крови и отвертки разбросаны! А-а-а! Это убийство, да? Его убили? Все понятно, гражданка, а теперь опишите вашего пропавшего супруга – он такой длинный, хлипкий, белобрысый, весь в соплях и беззубый? Нет, что вы, что вы, он высокий, худощавый блондин, и все зубы у него на месте... Ну ясно, все приметы совпадают, ваш муж у нас, живой и почти в полном порядке... Не волнуйтесь, гражданка, доставим вам его в лучшем виде... А что случилось – сами у него спросите, когда он разговаривать сможет.

Итак, проблема с установлением личности была решена. Оставалась еще одна – завести уголовное дело, ведь на гражданина явно напали. Впрочем, если предположить, что он сам по пьяни разделся, свинтил номер со своей машины, пошел купаться в Яузе, наткнулся зубами на что-то острое... Нет, по пьяни не получается – медики засвидетельствовали: алкоголя в крови нет. Может, умом тронулся? Тоже бывает.

– Что же мне с тобой делать, друг сердешный? – безнадежно вопрошал дежурный. – Что в протоколе-то писать? Говорить по-человечески будешь?

– Ик, – ответил завернутый в плед человек. – Ик!

Он затряс головой и попытался произнести что-то еще, но вышло: Хлюп! В-в! Гы-ы!

– Ну ладно, – мудро рассудил дежурный. – Сейчас от тебя все равно толку никакого. Очуаешься – придеешь, все толком расскажешь. Или жена твоя прибежит. Все равно ведь заявление будете подавать, куда денетесь. А теперь домой тебя отвезем.

Действительно, не пускать же его по Москве в таком виде. Заберут и опять к нам доставят. Странно, что раньше никто не подобрал, когда голый в полицию шел. А живет недалеко, через две улицы отсюда.

Хлопнула железная дверь, прогрехотал Вадик. Обрушил на стол дежурного нечто объемное, завернутое в полиэтиленовую пленку.

– Юр, смотри что на мосту на Яузе нашли.

Бесцеремонный этот Вадик, и вечно от него чесноком несет. Это ж сколько надо с утра чеснока сожрать, чтобы так разило!

Дежурный осторожно развернул пленку – вдруг какая-нибудь гадость. Расчлененка, не приведи господи. Он был молодой и пока еще чувствительный. Нет, все было пристойно – просто одежда: трусы, носки, джинсы, свитер. Кроссовки – почти новые, «Найк», размер 43. Кожаная куртка – приличная. Коричневая, размер 48. Пошарил в карманах – тут все и обнаружилось: паспорт на имя Владислава Митрофановича Сапешко, наручные часы фирмы Tissot, стоимостью не меньше трехсот долларов, мобильный телефон – навороченный, бумажник с кредитными карточками и наличными на общую сумму – ну-ка, посчитаем – ого, на общую сумму двадцать восемь тысяч пятьсот девятнадцать рублей восемьдесят три копейки!

– Твое? – спросил Юра у завернутого, а тот рванулся и заикал: мое, все мое!

– Прямо на мосту лежало, все в кучку аккуратно сложено, – захлеб рассказывал Вадик. – Я думал, кто утопился. А труп в реке нет! Труп оказывается здесь!

«Труп» все плакал, но, наверное, уже благодарными слезами.

Когда недовольный необходимостью гонять казенную машину Вадик увез уже одетого потерпевшего домой, дежурный устало откинулся на жестком стуле и прикрыл глаза. Его душило негодование. Он одного не понимал: каким же надо быть уродом, чтобы раздеть человека, напугать до смерти, выбить зубы, и все ради чего? Даже не ограбили, козлы!

* * *

А случилось вот что. Поздним вечером, а вернее сказать, ночью, Владислав Сапешко возвращался домой. Это был его нормальный рабочий график – заканчивать работу после полуночи, а начинать не раньше пяти-шести часов вечера. Владислав работал программистом в торговой фирме, поэтому его присутствие на работе в утренние часы не требовалось. Строго говоря, о нем вообще не вспоминали, пока все работало без проблем; но лишь возникал какой-то сбой в программе, начальство требовало к себе Владислава. Он также был нужен, если появлялась необходимость что-то наладить, подключить или почистить от вирусов. Вирусы чаще всего обнаруживались на компьютере секретарши и в отделе продаж – Владислав сколько раз предупреждал: не лезьте в «Одноклассники» и на порносайты, заразитесь! Но им хоть бы хны – надо же как-то рабочее время проводить.

Владислав с самого начала выдвинул условие: я человек вечерний и домашний, три вечера в неделю я весь ваш, остальное время работаю дома. Всех устроило. Утром его никто не беспокоил – да и бесполезно было, Владислав спал до обеда и на телефонные звонки не отвечал, а к концу рабочего дня появлялся в офисе, выслушивал жалобы и пожелания и, уже после ухода сотрудников, в тишине и покое чинил, настраивал, тестировал... Чтобы завтра у людей все шло как по маслу. Вот такой ценный кадр был Владислав Митрофанович Сапешко – кто же с этим спорит?

Жене Владислава тоже пришлось смириться с его ночным образом жизни. Привычка – великая вещь, и уже через год семейной жизни Ирочка научилась подавать ужин в два часа ночи, к приходу мужа, а утром ходить на цыпочках, чтобы не потревожить его сон. Когда она, бедная, умудрялась отсыпаться – загадка, ведь на работу Ира ходила к девяти, как все нормальные люди. Впрочем, чего не сделаешь ради любимого! И денежного, между прочим. Поскольку Владислав, несмотря на скромность своего служебного положения, обеспечивал себя и жену совсем неплохо: несколько фирм, случайные заказы, подработка, то, се. В подробности она не вникала, а результатам радовалась: квартиру купили, тачка – «Ауди», хоть и старенькая. Ремонт в квартире планировался в ближайшее время, потом ребенок. Все как у людей.

В тот вечер Владислав позвонил около половины второго и сказал, что скоро будет дома. Жена поставила разогревать борщ и стала накрывать на стол. Через полчаса автомобиль Владислава действительно припарковался под окнами. Ира выглянула в окно, увидела выходящего из машины мужа, поспешно вернулась к плите, чтобы разлить борщ по тарелкам – Владислав любил плотно покушать после работы. Но домой муж так и не пришел. Он даже не зашел в подъезд – скрипучий лифт, извещающий весь дом о каждом жильце, который вернулся домой, в ту ночь безмолвствовал. Ира начала волноваться, звонить мужу на мобильный – один раз тот сбросил звонок, на остальные не отвечал. Женщина промаялась неизвестностью до утра, до самого звонка дежурного из полицейского отделения. Увидела Владислава она спустя полчаса, когда мрачный и неприветливый, отвратительно пахнувший чесноком страж порядка вернул ее ненаглядного, трясущегося и совершенно бледного мужа, да и то не целиком, а без передних зубов.

– Ваш? – угрюмо спросил представитель закона.

– Гы-ы, – сказала Ирочка и разрыдалась.

* * *

Сначала Владислав подумал, что человек хочет его о чем-то спросить. Например, сколько времени. Или попросить подтолкнуть машину – наверное, у него аккумулятор сел. Никакого опасения он не внушал – обычный мужчина, средних лет, в куртке и кепке. Не кавказец, нет. Обычное русское лицо. Да и не рассмотрел Владислав – во дворе темно было. Выговор московский, голос не низкий, не высокий. Мужчина действительно спросил, но не то, что ожидал Владислав:

– Здравствуйте. Вы Сапешко Владислав Митрофанович?

Дорого бы отдал Владислав, чтобы изменить тот миг, когда предательское «да» сорвалось с его губ. Но это уже после. А в тот момент немедленно вслед за «да» он получил сильнейший удар в лицо. Даже такой дилетант в драке, как Владислав, мог сообразить, что били кастетом. Но соображать было некогда. Крикнуть он не успел, лишь отплевывался зубами, лежа на асфальте в собственном дворе.

Мужчина наклонился к нему и сказал спокойно и вежливо:

– Пожалуйста, не кричите. Это ради вашей безопасности. А то мне придется опять вас бить. Вставайте. – Он протянул Владиславу руку, и тот уцепился за нее, как за спасательный круг.

Незнакомец рывком поставил Владислава на ноги. Того слегка качало.

– Пожалуйста, идите со мной.

Владислав, предплечье которого было стиснуто железной хваткой, как теленок последовал за мучителем. Потом он много раз думал – почему не попытаться убежать, кричать? Ну, получил бы еще раз в рожу. Но не пристрелил же бы его этот идиот – оружия у него явно не было, не считая кастета.

Человек подвел Владислава к его собственной машине.

– Достаньте инструменты, – приказал он. Влад трясущимися руками открыл багажник и вытащил чемоданчик с инструментами.

– Свинчивайте номер, – последовали дальнейшие инструкции.

Влад подумал, что все прояснилось. Машину угнать хочет, гад. Мог бы и так забрать, незачем было бить. Тоже мне, на «Ауди» польстился. Десятилетней давности. Хотя жаль машину, бегала резво. Но своя морда дороже. Пусть забирает и катится. Только зачем сейчас-то номера отвинчивать? Как же он по Москве без номеров поедет? Да ну его, не моя забота.

– Берите табличку и идите со мной, – железные пальцы снова сомкнулись на плече.

Черт, здоровый какой. А ведь старше меня. Боксер, что ли? Куда он меня ведет? Ему ведь машина нужна? Или я? Убивать будет? Вот этой табличкой?

Владислав чувствовал, как из разбитого носа течет кровь. Почему-то он не мог и не хотел сопротивляться. Даже мысли в голове ворочались медленно. Может быть, это были последствия удара. Он тупо переставлял ноги, сжимал в руке табличку с номером и шел туда, куда его подталкивал провожатый. Народу на улицах не было.

Они прошли несколько кварталов. «Вот если бы сейчас полиция... Патрульная машина... Тогда бы я закричал... вырвался...», – промелькнуло в голове. – Как назло, все пусто. Заору сейчас – он меня сразу убьет. Шизофреник, наверное. Никогда его прежде не видел. Откуда он меня знает? Следил? Подослали? Но кто? Кому надо меня убивать?»

Никогда прежде не чувствовал себя Владислав Митрофанович Сапешко таким ничтожеством.

Таким слабым, несчастным, беззащитным. Физической силой он никогда не отличался, но по этому поводу не переживал, справедливо полагая, что ум побеждает силу. А ума у него было немало! И изобретательности, и предприимчивости. Не зря же он, уроженец Минска, еще подростком приехавший в Москву, смог устроиться на хуже коренных москвичей, жениться на дочке налогового инспектора и организовать свою жизнь именно так, как ему было удобно! Ум и житейская смекалка помогли ему подняться, заработать денег, достичь чего-то в жизни. Но сейчас все это было бессильно перед страшным и безликим черным человеком, который вел Владислава в неизвестность, равнодушный к его жизни, планам, мечтам...

Они пришли к Яузе и мужчина подтолкнул его к пешеходному мосту. Спокойно scomандовал:

– Раздевайтесь. Одежду складывайте на землю.

«Грابتь будет, сволочь, – догадался Владислав. – Почему на мосту? Рядом же машины ездят».

Он снял куртку (жаль, дорогая!), часы (еще дороже, подавись, подонок!). Положил на парапет. Мимо промчались две машины, Владислав с тоской посмотрел им вслед. Конечно, кто же остановится! Подумают – пьяный раздевается. Да еще с разбитой рожей.

– Догола, – приказал голос за спиной. – Быстрее.

«Мразь! Извращенец!» – думал Владислав, стаскивая с себя последнее. Холода он не чувствовал. Чувства вообще притупились.

– Возьмите номер, – мужчина все так же предусмотрительно стоял за спиной. Подойдите к краю. Прыгайте в воду.

Мимо пронеслось еще несколько машин, ни одна даже не сбавила скорость. Владислав сделал попытку обернуться, но получил осязательный тычок в спину.

– Прыгайте! – рявкнул прямо в ухо. Владислав закрыл глаза, выставил руки с номером вперед и прыгнул в мутную воду.

Маривана

Утром сосед появился во дворе – в спортивном костюме и резиновых тапочках на босу ногу. Прошелся по участку, поправил георгины, прибитые за ночь дождем. Проверил почтовый ящик, вытащил свежую местную газету. Надо же, какой заботливый хозяин, – умилилась Маривана, наблюдая из-за занавески за соседским участком. Все у него под контролем. И даже в домашнем затрапезном виде умудряется выглядеть элегантно и внушительно. Чувствуется порода, что говорить. Уж в чем-чем, а в мужской породе Маривана разбиралась – насмотрелась за свою жизнь и на дворняжек, и на благородных. Благородных и чистокровных всегда к ней тянуло – видимо, чувствовали высокий полет и романтичность души.

Вот и этот седовласый красавец равнодушным не остался – ишь, как поглядывает на ее окна! Надо бы выйти, поздороваться. Маривана поправила прическу, напялила растоптанные чупяки (ноги отекали, с недавних пор никакой другой обуви не признавала) и выплыла на крыльцо. Конечно, не ради него, а по делу – в одной руке изящная лейка, в другой совочек.

– Доброе утро, Мария Ивановна, – тут же вежливо поздоровался сосед.

Маривана быстро изобразила удивление:

– Ой, это вы! А я и не заметила. Думала, вы на работе...

Как же, на работе. Раз «Лендровер» у ворот – дураку понятно, что хозяин дома торчит. Но небольшая рассеянность немолодым дамам только к лицу.

Сосед вежливо улыбался, и ободренная Маривана продолжила:

– А я вот флоксы поливаю... Удивительные флоксы в этом году! А вы что, выходной сегодня? Что-то не торопитесь... Отгул у вас?

– Да, флоксы у вас чудесные, – галантно поддержал беседу мужчина, проигнорировав вопрос об отгуле. – Я, знаете ли, хочу гортензии посадить. Чтобы была большая клумба розовых гортензий прямо перед крыльцом.

– Что вы, гортензии розовыми не бывают, – заверила Маривана. «Надо бы Настьке дать задание – пусть выяснит, где он работает. Простые люди такие машины не покупают. Не иначе, в администрации президента. Ну точно, фактура соответствующая». – У меня были гортензии, но бело-зеленые, чахленькие. В нашем климате они плохо приживаются.

Сосед еще раз приветливо улыбнулся и направился было к дому, но Маривана окликнула:

– Смотрите же, жду сегодня вечером на чай!

С мужчинами надо понастойчивее – это она давно усвоила. А то они все стеснительные, не решаются первый шаг сделать. Был у Мариваны ухажер – сидеть рядом с ней боялся. За руку взять – ни за что. Смешной мальчик. Так боготворил ее, так обожал! Потом решился, признался в любви, обещал повеситься, если она не ответит взаимностью. А Маривана тогда была молодая, прекрасная и жестокая. Помучила она его, ох как помучила! Очень переживал. Но так и не повесился почему-то...

Но сейчас Маривана была уже не в том возрасте, чтобы романы крутить. Но то, что приятный импозантный мужчина на тридцать лет моложе оказывает ей знаки внимания, льстило ее самолюбию. Без сомнения, он очарован ее изысканными манерами и интеллигентностью. Маривана любила это слово – интеллигентность – и считала это качеством одним из основных своих достоинств. Хотя что оно означает, бог его знает. Но то, что она женщина интеллигентная – определено.

К обеду сосед уехал (выяснить бы, куда), зато без предупреждения появился племянник с продуктами. Дескать, в выходные уезжает в командировку, поэтому решил заранее обеспечить тетушку самым необходимым. Маривана придирчиво осмотрела содержимое пакетов, брезгливо отложила в сторону белый батон (такой не ем, только с отрубями), забраковала слегка помятые персики и от винограда отказалась (ты же знаешь, я люблю только «дамские паль-

чики»). Бестолковый родственник ей попался, ничего не поделаешь. Никак не может запомнить теткиных вкусов. Вот и сестра-покойница такая же была непутевая. Всю жизнь одна сына тянула, померла раньше времени от тяжелой жизни, а что выросло? Ни то, ни се, сухойстой. Говорила же ей Маривана в молодости – зачем тебе ребенок? Сплошные заботы, ответственность непомерная, ярмо на всю жизнь. Нет же, не послушалась. Папаша испарился, зато родился увалень-сыночек.

– Теть Мань, идите чай с рулетом пить.

Ну вот опять. Маковый рулет купил, как будто не знает, что зернышки ей под зубной протез попадают. Специально издевается, что ли?

– Рулет свой сам ешь, – обиженно заявила Маривана. – А мне чаю налей, только не очень горячего. И три ложки сахара положи.

Она еще раз окинула родственника взглядом, пытаясь вспомнить, каким он был в детстве, когда она, юная и очаровательная, угощала его чаем на этой самой кухне. Был мальчик, как ей помнилось, замкнутым, молчаливым и слегка угрюмым, и ее это раздражало. Всегда настораживает, когда человек молчит. Верный знак, что задумал что-то нехорошее. Вот и сейчас – при всем внешнем благополучии (солидная должность, хорошая зарплата, постоянные заграникомандировки), чувствовался в человеке какой-то надлом. Как бы сказала Маривана, недоделанность. Она бы на такого кавалера точно не взглянула.

Племянник молча подвинул ей чашку.

– Подсыпал уже? – вкрадчиво поинтересовалась Маривана.

– Чего подсыпал? – сделал вид, что не понял, племянник.

– Ну, яду, – спокойно пояснила она. – Знаю, отравить меня хочешь. Думаешь, зажились бабка. Спишь и видишь, чтобы на тот свет меня отправить. Не буду твой чай пить!

Он помолчал обескураженно. Ничего, пусть знает, что она все контролирует.

– Вы, тетя Мань, вообще... белены объелись, – выдавил он, наконец. – Ладно, поеду я.

– Поезжай, поезжай, – разрешила Маривана. – Да смотри, в другой раз привези мне орешков кедровых и гречишного меду. Не перепутай, смотри: гре-чиш-но-го!

История третья. Сюрприз под дверью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.